

Если взглянуть на берег со стороны моря, скажем, с лодки, то можно различить среди мутной, словно размазанной по склонам зелени крошево приземистых рыбацких домиков и охотничьих заимок. Остальное — а это многие квадратные мили портовых построек, большей частью заброшенных еще в прошлом веке, прокопченных буксиров, списанных парусных судов Королевской Колониальной компании, полузатопленных барж и даже одного крейсера, который мирно ржавеет в акватории со времен последней войны, — скрыто за пологим мысом. На котором, собственно, и лепятся лачуги промысловиков. По этим халупам, большую часть года пустующим, во время войны однажды ударили из корабельной пушки, не попали и тотчас забыли. Скорее всего, засевшие в срубах редкие обитатели даже не расслышали за гулом бипланов, как осыпаются мутные стекла их домиков. Потом можно было разглядеть в стенах неровные пятнышки бурого с глубокой щербиной посредине — от увядающей на пределе дальности пули.

А может, бипланы были уже потом и совсем в другом городе, спустя несколько дней после неудавшегося десанта?

— Кажется, меня зацепило, — пожаловался Ефрем. Он приклонился к шершавой стене, не обращая внимания на ворох битого стекла под ногами. Его губы искривились, как ни старался он делать вид, что боль ему нипочем.

Тут же, в полусотне сажений ниже по улице Восстания, опять разорвался снаряд, и по мостовой покатались каменные обломки, будто стараясь обогнать друг друга. Из рваного пролома запоздало выпал массивный шкаф и с неохотой громким треском развалился на тротуаре, рассыпав ворох цветных тряпок.

Максим выглянул из-за угла: никто так и не появился, все давно смылось в порт, чтобы поучаствовать в сражении или помочь советами военным. Только мелкий отряд нескладных новобранцев в форме пробежал в отдалении сквозь тучу пыли. Наверное, подкрепление для обороняющих порт. Развороченный дом — как раз то, что нужно, и нет никого, кто мог бы схватить за руку.

— Эй, ты чего? — Слегка загорелое лицо Максима напряглось почти так же, как и у напарника. Тот словно посерел и стал валиться набок, цепляясь за стену свободной рукой. Вторая продолжала стискивать кусок арматуры, будто та могла чем-нибудь помочь.

Максим кинул свою заточенную железку и схватил товарища за рукав, но удержать не сумел — тот тяжело опустился на битое стекло. Левую руку он прижимал к задней стороне бедра. Между пальцами Ефрема сочилась кровь, впитываясь в ткань штанов.

— Это ничего, — прошептал он. Но видно было, что ему страшно, настолько, что звуки близких разрывов уже не заставляют его вздрагивать. На ногу он не смотрел. — За гвоздь зацепился — и кивнул в сторону забора в глубине тупика, через который они перелезли несколько минут назад.

Максим отогнул липкие красные пальцы друга, разорвал влажную ткань и увидел глубокий порез. Кровь слабыми толчками выплескивалась из него — наверное, осколок повредил артерию. Он услышал, как коротко вскрикнул товарищ, когда уже спрыгнул вниз, и вспомнил, что тогда действительно мимолетно подумал об острой щепке, на которую наткнулся Ефрем. Но в тот момент неподалеку как раз гроыхнуло... «Пришел и его час», — мелькнула привычная мысль в голове Максима. Но как же не хотелось верить, что последний из школьных друзей погибнет так нелепо, по случайности! Тот, с кем не только родился и вырос в одном дворе, с кем первые три класса просидел за одной партой и даже устроился на работу на одну и ту же фабрику, должен был умереть — хорошо еще, что вдали от дома и чужих глаз. Только освобожденный и его освободитель... Может быть, даже лучше, что именно Максиму довелось стать свидетелем ранения друга — принять Смерть от его руки Ефрему будет легче, чем от гвардейцев или простой потери крови.

Ефрем вырвал пальцы и вновь прижал их к ране, стискивая ее в попытках остановить кровотечение. Он уже плохо владел собственным телом и не понимал, что это слабый организм пытается из последних сил отвратить гибель.

Максим взял свое «оружие» и медленно поднялся. Нога заныла, словно это он сам получил ранение, а не Ефрем. Острые арматурины уткнулось в грудь товарища, в то место, где под ребрами продолжало биться сердце, бестолково гоня кровь сквозь рану. Ефрем коротко всхрипнул, не сводя с парника черных расширенных глаз, но ничего не сказал. Он сам поступил бы точно так же. Таков непреложный закон жизни.

Железка выпала из рук Максима. Он вдруг вспомнил, как три года назад друг спас его от личной проверки са-модельных махалок — Ефрем обязательно хотел спрыгнуть с крыши сам, азартно споря с изобретателем.

Максим вновь нагнулся и вспорол перочинным ножиком ткань влажной штанины.

— Не дрейфь, приятель, — бодро сказал он. — Тебе ли бояться порезов? Сейчас забинтуем, и станешь как новенький. Точно тебе говорю. Тут и крови-то почти нет...

— Правда? — несмело улыбнулся Ефрем.

— Правда, конечно. Ты просто испугался, вот и ослаб. Сейчас замотаю.

Внезапно прямо над их головами в дом ударил снаряд, и сверху посыпалась каменная крошка. На тротуар поодаль упал кусок стены, подняв тучу белесой пыли; это заставило друзей прижаться к земле. Не теряя времени, Максим разорвал ткань на несколько полос и туго обмотал товарищу бедро, полностью скрыв рану. Затем помог подняться, подерживая за пояс, и всунул в свободную руку Ефрема кусок железа.

— Нормально? Иди сам, а то мне тяжело тебя держать. Да и опасно, вдруг патруль...

Ефрем заковылял рядом, но было видно, с каким огромным трудом дается ему движение. На лице у него выступила испарина, особенно заметная оттого, что оба лазутчика были вымазаны в пыли.

— Ладно, ты подожди меня здесь, понял? — внезапно сказал Максим. — Я быстро.

— Ты, правда, вернешься?

— Здесь же самая короткая дорога! Лежи, пока рана не затянется.

— Она не успеет... Подожди, Макси. — Ефрем опустился на брусчатку, едва не утянув приятеля за собой. Он выглядел осунувшимся, словно разом повзрослевшим. — Ты должен освободить меня. Иначе...

Максим отмахнулся и скользнул вдоль стены здания, выбравшись на улицу. Здесь все так же никого не было, но он знал, что в некоторых квартирах точно остались жители. Пусть их совсем немного, но они обязательно найдутся — те, которым уже неинтересно поучаствовать в настоящем сражении. Или те, которые трясутся за свой скарб и боятся быть ограбленными: всякие пожилые тетki и старики,

случайно дожившие до тридцати. А вот у патрулей сейчас другой работы полно, им надо добывать раненых, а на мародеров уже не хватает сил. Вот тут-то и настает время таких крутых пацанов, как Макси и Ефрем. Недаром учитель права, которого даже коллеги за глаза называли Параграфом, на своих уроках не раз говорил в обычной выпренной манере, сокрушенно качая головой: «Оспорить справедливость королевских Уложений — значит ступить на гибельный путь пренебрежения к Праву... — все свои любимые слова он произносил только с большой буквы, подняв глаза к потолку. — Несправедливо короток земной путь преступившего Закон индивида». Да, кличка у него была самая подходящая, он и ходил-то сгорбившись, словно нагруженный ворохом пыльных томов.

Избавившись от надоедливой образа учителя — в конце концов, в поисках жилища с признаками запустения и завалившимися за плинтус ценностями нет ничего противозаконного — и стараясь наступать на носки, Максим побегал вдоль стены, обшаривая глазами черные окна домов на противоположной стороне улицы. В одном из них, кажется, мелькнула чья-то хмурая физиономия, но тотчас исчезла. Да ладно, какое тут кому дело до вороватого парнишки, когда снаряд готов разорваться в твоей квартире? Свое бы добро уберечь.

Максим обогнул нужный дом и втиснулся в узкий, не больше сажени шириной проулок. Тут нестерпимо воняло гарью и кошачьей мочой. Обвалившаяся стена удачно образовала огромную кучу мусора — кирпичи вперемешку с остатками выцветших газет, покрывавших стены, обломки зеркала, полированные деревяшки... Здесь же валялась и покореженная табличка с номером дома. Максим вспрыгнул на кучу и резво вскарабкался наверх, не забыв оглянуться. Тут уже было рукой подать до вожделенного пролома. Его край чуть не осыпался под сильными пальцами, привыкшими к работе с неподатливым металлом. Ладони скользнули по кирпичной крошке, но Максим удержался и перевалился

внутри. Рядом с ногами зияла дыра на нижний этаж — снаряд пробил перекрытие и ухнул где-то вниз. Удивительно, как мало разрушений он причинил, бракованный был, что ли.

Максим отскочил подальше от окна, чтобы его не заметили с улицы.

Воздух тут все еще полнился густой пылью, и Максим чихнул, не сдержавшись. Эхо встревоженно метнулось между стен, постепенно погаснув, а он еще с минуту напряженно прислушивался к далеким разрывам снарядов, стараясь уловить в привычных звуках что-то чужеродное. Но дом, похоже, был пуст.

Эта квартира состояла из двух больших комнат. Вся мебель в той, где очутился Максим, оказалась разрушенной взрывной волной или осколками, и на остатках пола валялись какие-то цветные тряпки, простыни и прочая чепуха. Он наскоро, обходя по краю провал, распинал эти залежи, не особо надеясь на удачу, однако ему повезло — нога ударилась о что-то более массивное, чем наволочка. Максим развернул тряпку и увидел блестящий, судя по всему, серебряный портсигар.

— Сгодится, — пробормотал он и на ощупь затолкал находку в мешок, висевший за спиной на двух потертых лямках. Еще в прошлом году, в апреле, он ходил с ним в школу. Сейчас-то, конечно, уроков никаких нет, да и кто станет учиться, когда в городе война? Даже некоторых учителей призвали в ополчение, и старшекласники многие хотели пойти добровольцами, только их не взяли. Максим страшно злился, что его угораздило родиться на два года позже, а то бы сейчас он тоже стрелял по врагам из настоящего ружья. Или даже пулемета, а то и мортиры! Родиться еще на пару лет позднее тоже было бы неплохо — уж ему-то каникулы всегда нравились, не то что некоторым зубрилкам. А теперь он работает на фабрике, и придется идти туда завтра утром...

В соседней комнате было получше. Помимо книжных и прочих шкафов, тут стоял секретер, который сразу привлек внимание Максима — с него-то он и решил начать.

Острые арматуры вошло в едва заметный зазор, Максим надавил всем телом, загоняя орудие подальше в щель, и вскоре замок хрустнул, ломаясь. Жестяная плошка с украшениями! Из нескольких отсеков, в одном — серьги, почему-то непарные, в другом — цепочки, бусы и камушки со следами клея и сквозными дырками. Хлам, но на еду и торф хватит. Кто еще семью прокормит, когда на карточку только всякую дрянь и дают? Тут Максим слегка покривил душой: Дуклида совсем неплохо зарабатывала в своем Земельном Приказе. Но ничего, война все расставит на свои места, и Военному ведомству придется разместить в «Оружейных мастерских» многочисленные заказы на разное оружие, а не только на броненосец «Викентий Великий».

— Ну-ну, — раздался сзади насмешливый, гадкий, до жути знакомый голос. Максим вздрогнул, от неожиданности выронив оружие. Все посторонние мысли, сумбурно метавшиеся в голове, словно вымерзли. — Мародерничаем?

В комнату вошли трое парней под командой Гермогена по кличке Дрон. Максим не был бы самим собой, если бы не принял мгновенного решения — типичного для случаев, когда ему приходилось сталкиваться с этим типом и его гнусной командой где-либо, кроме собственного двора. Туда, впрочем, Дрон заглядывал нечасто, по особой надобности, и вел себя при этом словно первый отличник в классе, примерный в учебе и поведении. Эдак слащаво здоровался с прохожими и улыбался.

Даже не нагнувшись за арматуриной, Максим бросился к окну и ударил в раму ногой, собираясь выбить ее и выпрыгнуть на улицу. Высота не страшила его — какие-то пара сажений! — а вот лишиться добычи или даже жизни в лапах Дроновых дружков было бы глупо. Но хозяева, видать, не успели расклеить окна после зимы, и рама только натужно хрустнула и открылась ненамного. Максим толкнул ее рукой, тут-то его и повалили на пол.

— А поздороваться? — ухмыльнулся Дрон. Его соломенные волосы, собранные в два пучка над самыми висками,

свесились едва ли не на грудь Максима. Того прижали спиной к подоконнику, и сквозь распахнувшееся окно со стороны порта отчетливо доносился гул канонады. Редкие усики, только начавшие проявляться на губе Гермогена, белели от пыли, а на кончике хищного носа покачивалась мутная капля пота. Утомился, модник проклятый. — Неужели ты какой-то, Максик. Учись у меня. Поглядите-ка, что там у него в котомке.

— Все в ящике осталось, — проговорил Максим. Сердце гулко стучало под ребрами, а ноги налились тяжестью. От резвости не осталось и следа — мышцы как будто набили песком пополам с ватой. — Отпусти! А у тебя мне учиться нечему...

— Кто бы говорил, — продолжал глумиться Дрон. — Забыл, как Риска тебя со мной сравнивал? Мне Лупа изволил сказать, этот безмозглый идиот.

— Да ладно тебе... — занял Лупа. — Забыто уже.

— Он сгоряча! — разозлился Максим. — Я почти без двоек учился!

— Вот, смотри сюда, — сообщил один из подручных Дрона, тот, что упер в бок пленника лезвие самодельного ножа. Явно пытался бабуть выточить, да только пропорции нарушил, кретин. Если, конечно, сам мастерил, а не отнял у кого-нибудь послабее. Свободной рукой он нашарил в портфеле Максима портсигар и теперь вертел им перед лицом Дрона. Тот выхватил добычу и кинул ее в холщовую сумку, что болталась у него на плече.

Лупа тем временем заглянул в секретер и принес коробку со сломанными и непарными побрякушками.

— Серебро с камнями. На курице хватит! На месяц загаримся, точно. Погуляем с девочками!

— Ссыпай сюда, Лупа, да изволь не трепаться. — Дрон распахнул свой мешок пошире.

— Мне тоже надо, — насупил тот и сгреб щепотку сережек. — Я Гаафке обещал принести что-нибудь на уши.

Дрон прищурился на него, смерил взглядом, но ничего не сказал — как видно, решил отложить разборку с подчиненным до подходящего момента. Вновь повернувшись к Максиму, он произнес:

— Отпустить, говоришь? Не извольте тревожиться! Нет уж, сударь, удача такая редко бывает. Кто ж тебя теперь отпустит? Я так и знал, что ты тоже промышляешь чужими талерами...

— Я ничем таким не промышлял, — отрезал Максим. — Мне квартира нужна.

— Да что ты говоришь? Для своей Евки небось? Какой заботливый нашелся! Ну что, приведем в действие закон? — Дрон обвел безумными глазами соратников, затем поднял кусок арматуры и встал перед Максимом. — Именем Его Величества, исполняя волю предков и букву уложений... — нараспев заговорил он, с каждым словом возвышая голос. Как только ухитрился формулу запомнить, урод?

Максим дернулся, неотрывно глядя на блестящее, недавно заточенное острие своего собственного оружия, но оба ублюдка по бокам держали крепко. Они были выше и сильнее, и Максим понял, что этот психопат действительно собирается прикончить его. И поимка в разрушенном доме — только удобный для него повод, чтобы пустить кровь сопернику. Вон как раскраснелся!

— Все равно Дуклида с тобой жить не станет! — крикнул Максим. — Она сразу поймет, что это ты меня убил, гад! Как и моего брата!

— Неужели? Я так не думаю. Почему же, изволь, я тогда еще жив, а не освобожден благочинным? — Однако пафос с Дрона все-таки слетел, да и товарищи поглядели на него как-то насмешливо, совсем не так благоговейно, как за минуту до этого, когда предводитель произносил слова, святыя для каждого подданного Королевства. Он ответил им бешеным оскалом рта и выпученными в ярости глазами, и те поспешили вернуть на физиономии должное выражение.

Однажды в январе Дуклида вернулась с работы не одна, а в компании с Дроном. Трофим как раз стругал полешко на растопку, чтобы огонь занялся побыстрее, а Максим чистил огромную сморщенную репу, чтобы приготовить из нее кашу. Оба постукивали зубами от холода и встретили Дуклиду возмущенными криками.

— Безобразие! — заявил Трофим. — Два мужика пришли с работы, хотя есть, а дома ничего не готово. К тому же холодно!

Тут из снежного вихря вывалились обе фигуры, причем долгоязыый Дрон придерживал Дуклиду за локоть. Его трепух был залихватски сдвинут на затылок, а со лба свисала прядь мышиного цвета волос.

— Добрый вечер, господа, — сипло проговорил он. — Извольте принять сестрицу в целости и полной сохранности.

— Это же Дрон, — потрясенно прошептал Трофим. — Когда они успели познакомиться? Ты не знаешь?

Дуклида тем временем, глупо суетясь, снимала с гостя тулуп. Их облепленные снегом валенки оставляли на дощатом полу неопрятные следы, да и с шуб нападало порядочно. Девушка скользила на влажных пятнах, а Дрон величественно, словно патрульный на посту, возвышался над ней, едва не подпирая вешалку, и гундосил:

— Я ненадолго, Лидуся... Даже чай не буду... Не изволь...

— Никакого чая нету! — вдруг крикнул Трофим. — Мы сами только с работы.

— Ну что ты горланишь, Трофимка? — поморщилась Дуклида. — Гермоген подождет, правда? — Ее голос был слашавее патоки. — Дагерротипы посмотришь...

Ребята провозились в кухне не меньше получаса, прежде чем у них сварились овощи, и закипела вода для чая. В отместку Трофим бросил в кипяток самые целебные травы, а потому и вкус у них был соответствующий.

Прихлебывая из единственной целой кружки, Дрон едва заметно морщился, охватив бока емкости худыми пальцами, и приговаривал:

— Классный у тебя сбор, Лидуся... Поди, ягеля полно. Никакие заразы не пристанут... — И хмуро, незаметно для девушки косился на ребят прищуренным глазом, словно сквозь прицел винтовки — запоминал их лица, что ли? Виделись они редко, ведь Дрон жил в другом доме, пусть и расположенном по соседству.

Потом они надолго уединились в комнате, из-за плотно прикрытой двери какое-то время доносился голос Дрона, а затем наступила полная тишина, и ничто не мешало слушать вой метели за окном. Ни один огонек не проби­вался сквозь пелену снега. Лучшего времени для усвоения школьного материала нельзя было и придумать, но в голову Максиму ничего не шло, он лишь тупо таращился в учебник ботаники, наблюдая за волнами света, что ложился на страницу от пламени свечи. Трофим мрачно сопел, водя карандашом по бумаге, — ему, кажется, все это не нравилось намного больше, чем брату.

— Дорофея же переехала к своему парню жить, — бормотал он себе под нос. — И ничего...

Дрон-Гермоген ушел поздно, а Дуклида, проводив его, взглянула было к ребятам. Но так ничего и не сказала, только шумно вздохнула и заперлась в ванной. Там она долго молча поливала себя из ковшика теплой, едва нагретой на печке водой.

В середине февраля над горизонтом наконец-то должен был возникнуть краешек Солнца — ненадолго, всего-то на минуту-другую, но праздновали это событие словно день рождения Короля. С самого утра, поскольку муниципия по традиции отпустила государственных служащих на выходной, горожанки намывали окна, отскабливая со стекол налипшую за год грязь. По квартирам порой гулял ветер вперемешку со снегом, но разве это кого-то трогало в такой удивительный праздник?

Погода не подкачала: ветер разогнал низкие рыхлые тучи, показались редкие стальные звезды, но с приближением полудня они стали заметно блекнуть. А жизнь в Ориене вскипала, торговцы наполняли улицы призывами, дети барахтались в снегу и поглядывали вдоль Морской улицы. Там, на востоке, должна была показаться самая верхушка горячего белого горба Солнца.

Максим с Трофимом выбрались на покатый скат крыши, чтобы не пропустить этот торжественный момент. Крышу покрывал тонкий слой наста, и приходилось пробивать его пятками, чтобы невзначай не поскользнуться.

— Хорошо, что туч нет, — проговорил Трофим. Он усиленно натирал щеки варежками и громко дышал в них, отчего капельки влаги, замерзая, оседали на бровях. — Не то что в прошлом году.

— Точно, — поддакнул Максим. Он утвердился на гребне крыши, в полусажени от края, а брат, поскольку был выше ростом, остался немного позади.

Горизонт наливался алым, бледнел и разгорался, гася крики толпы. Никто не мог оторвать взгляд от этого зрелища, даже продавцы мороженого замолчали, ведь ничего, кроме раздражения, сейчас их крики вызвать не могли. Светило, едва не замерзшее под ледяной коркой за зиму, властно поднималось, проталкивая свою знойную тушу в темно-серое небо. Цвета в точке соприкосновения поплыли, смазываясь. Казалось, там происходит невиданный катаклизм, и глубинные силы пучат лед, вздымая его колоссальными торосами, оплавленными жаром, а фонтаны пара бьют вверх, затуманивая даже сами недостижимые звезды — далеких сестер и братьев Солнца. И, наконец, Тьма — матушка Смерть, владычица над всем сущим в этом мире, и ее сын встретились, обнявшись и опалив своим божественным соприкосновением зрачки множества горожан.

Максим и сам не понял, как его рот оказался широко раскрыт и почему из глотки рвется безумный вопль восторга, поклонения и всего прочего, невыразимого словами.

Несмотря на ледяной ветер, сметающий с крыши, ему было почти жарко. Со всех сторон неслись оголтелые крики, какие вряд ли услышишь в любой другой день года.

Максим обернулся, чтобы в порыве чувств хлопнуть брата по плечу или чему придется, но того почему-то не оказалось на месте. Зато в одной-двух саженьях позади стоял Дрон и махал шапкой, зажатой в кулаке. Свободной рукой он держал что-то вроде багра — палки с загнутым внутрь крюком: наверное, надеялся зацепиться им за лед, если вдруг поскользнется. Вообще, на крыше собралось тридцать-сорок ребят и девчонок, многие подпрыгивали и обнимались. Но Трофима среди них не было, зато по скату тянулась дорожка примятого наста.

Обмирая от жуткого предчувствия, Максим бросился в сторону лаза. Когда он пробежал мимо Дрона, тот равнодушно обронил:

— По-моему, кто-то изволил свалиться вниз. В сторону Морской... Это не твой братишка был?

Чуть не сорвавшись, Максим юркнул в люк и кинулся вниз по лестнице, грохоча ботинками по ступеням. Когда он выбежал из парадного, движение народа возобновилось, потому что краешек Солнца уже успел скрыться под ледяным панцирем океана. Несколько раз столкнувшись с пешеходами, избежав попадания под колеса мобиля и выслушав с десяток добродушных окриков, он гулко промчался сквозь арку, обогнул дом и сразу увидел брата. Это был он, потому что рядом с его обнаженной, нелепо подвернутой головой лежала серая песцовая шапка.

В этот же момент один из двух гвардейцев, закончив произносить ритуальную формулу, проткнул грудь Трофима штыком. Когда они ушли, Максим некоторое время посидел на снегу рядом с мертвым братом, стараясь не смотреть ни на его жуткую рану, ни на лицо, уже покрывшееся тонким слоем изморози. Только перед тем, как появился закопченный фургон с печью, чадающий приторным дымом, он машинально нащупал на его рукаве рваную дыру — словно клочок ткани был вырван чем-то острым...

Сразу вспомнился Дрон с его фальшивым равнодушием на худой физиономии.

— 9

Испугаться по-настоящему Максим так и не успел. Лупа, привлеченный каким-то шумом с улицы Восстания, выглянул наружу и тотчас спрятал голову обратно, выпустив пленника.

— Там патруль! — сдавленным шепотом выдохнул он.

— Бежим! — взвизгнул другой и кинулся в комнату с проломом.

Максим, потеряв опору, пошатнулся и тем избежал прямого удара в грудь — Дрон просто кинул в него железку и бросился вслед за товарищами. «Копье» царапнуло подоконник и звякнуло внизу, о камни мостовой. Очевидно, оставаться тут было тупо, гвардейцы явно собирались посетить разгромленную квартиру в поисках мародеров, раз уж появились возле пострадавшего дома.

Максим внезапно понял, что не в состоянии подняться. Прислонившись к стене, он сполз на пол и прижал ладони к лицу, не давая внезапно выступившему поту сбежать со лба. Ему казалось, что он не сможет пошевелиться, и патрульные просто убьют его, как только взглянут на метрику. Вдруг со стороны окна донеслись винтовочные выстрелы — один, другой, затем посвист, ругань и чей-то короткий вопль. Зазвенело осыпающееся стекло. Голоса приблизились — один грубый, властный и несколько оправдывающихся. Патруль подошел к дому, и Максим справился все-таки со слабостью.

Не вставая, он поправил котомку и пополз на четвереньках к провалу на первый этаж, попадая коленями на острую кирпичную крошку. Решение пришло вместе с пониманием того, что бежать через пролом в стене нельзя, и он, повиснув на руках, спрыгнул в нижнюю квартиру. Там как раз валялась на полу рваная перина, она-то и погасила звук

падения. Наверху зазвучали голоса, а вслед за ними — неразборчивые проклятия: кто-то осыпался по куче, пытаясь одолеть подъем. Максим, не поднимаясь на ноги, по-кошачьи неслышно прошмыгнул в соседнюю комнату, а оттуда — к выходу из квартиры.

— Да пусто тут, командир! — донеслось сверху. — Трое их было.

— Было-то трое, а сколько обезврежено? — прорычал некто. — Ты вообще стрелял хоть раз, пацан? И как таких в ополчение берут, не понимаю!

Максим пробрался к двери и перестал разбирать ворчанье командира. Второпях поковырявшись в замке и открыв его, он прислушался к наружным шумам и ничего не различил. Внезапно что-то тяжелое упало наверху, в комнате с дырой в потолке — одного из патрульных погнали-таки вниз. Дотошные, сволочи.

Борясь с ледяным испугом, Максим выскочил наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь. Стараясь ступать на носки, он бросился вниз по короткой выщербленной лестнице. К счастью, выход располагался не на улице Восстания, а во дворе. В нос ему ударила густая смесь тухлых, кислых и просто смрадных запахов — посреди бывшей детской площадки всего за месяц войны выросла огромная куча мусора.

Ближайший выход со двора находился там, где сейчас, после попадания снаряда, возникла груда битого кирпича. Но бежать туда было никак нельзя, и Максим кинулся прямо, огибая мусор по краю, оскальзываясь на жестяных банках и чем-то блеклом, тягучем, как слюна. Когда он уже почти заскочил в подворотню, ведущую на Морскую улицу, сзади ударили хлесткие выстрелы. Хлам посреди двора вспенился ошметками застарелой слизи, бумажных пакетов и проеденной крысами, изношенной обуви. Сами зверьки поспешили броситься врассыпную, решив, что охотятся на них.

— Стой! — завопили из разбитого дома. — Стрелять буду!

Но Максим уже скрылся за поворотом. Не останавливаясь, он свернул на Морскую и замер возле угла, переводя

дух. Сердце гулко, словно забарахливший мотор мобилы, трепыхалось под ребрами.

Тут уже прогуливались редкие прохожие, которым почему-либо не захотелось подойти к берегу поближе. Большинство не обратило на Максима никакого внимания, увлеченно разглядывая вражеский крейсер в бухте и следя за мельтешением солдат на пирсах и пристанях. Часть защитников старательно, но не очень умело перекачивала пушки на лафетах и даже порой стреляла из них. Когда Максим с Ефремом болтались по пристани полчаса назад, такого столпотворения еще не было, гвардейцы и гражданские соблюдали относительный порядок. Но стоило крейсеру ударить из пушек, как народ охватило негодование — тут-то Максим и сообразил, что пора сваливать. Не имея нормального оружия и фактически подставляясь под картечь, многого не добьешься.

Сейчас ему вдруг страстно захотелось поглядеть на войну «изнутри», однако он сдержался и шмыгнул в тот же проулок, через который они с Ефремом уже пробирались. Пришлось перепрыгнуть через свежую воронку — похоже, осколок камня и ранил друга. Максим вновь подтянулся на руках, переваливаясь через шаткий забор. Гвардейцев ни слышно, ни видно не было, а вот Ефрем застонал, едва заметил приближение соратника.

— В тебя стреляли? — спросил он.

— И в меня тоже, — прошептал Максим. — Давай выбираться отсюда.

— Я не смогу, — выдавил Ефрем. — Я уже пробовал стоять, не получается.

Выглядел он не слишком хорошо, да что там — просто отвратительно. Обычно яркие губы побледнели, налившись синевой, и апатия владела всем его телом: даже не потрудился вытереть порезы от битого стекла на руках, кровь размазана неряшливыми потеками.

— Сможешь! Прости уж, Ефремка, что я тебя сюда затащил. Лучше бы мы на пристани сражались и погибли героями.

— Ничего... Я сам согласился. Тебе ведь квартира нужна, верно? Ты хотел выбрать, пока все на пристани? Я сразу догадался... Лупа хвастался, что Дрон и тебя прикончит... Чтобы ты не мешал им с Лидкой...

Максим промолчал, решительно протянув Ефрему руку.

— Ты ведь обещал сестре, что вернешься! — воскликнул он. — Я сам слышал. Вставай же!

Ефрем вздрогнул и стал медленно, вялыми толчками подниматься — сначала на колени, затем на ступни, почти не опираясь на раненую ногу. Повязка на его бедре казалась черной. Максим подставил ему плечо, помогая устоять.

— А где твоя пика? — спросил Ефрем. Он говорил со странным придыханием и даже сипением, будто речь давалась ему с невиданной болью.

— Потерял.

Канонада, похоже, стихала, или это корабль противника решил отойти от города. А может, его продырявили славные солдаты Королевства, мечтавшие на глазах командиров и мирных сограждан утопить железное чудовище, плюющее чугунными болванками с огненной начинкой. Но воздух в городе не желал терпеть пустоту — со стороны улицы Восстания опять донеслись звуки выстрелов, на этот раз одиночных, и вслед за ними торжествующий вскрик.

В просвете между зданиями возник парень, который еще недавно прижимал Максима к подоконнику. Пуля настигла его перед самым поворотом в проулок, и злорадное выражение так и застыло на его физиономии. Лупа умер мгновенно — стрелок оказался удачлив. Grimаса на лице мародера, вполне подходящая живому, мертвецу не пристала и выглядела жутковато.

Ефрем оттолкнул Максима в сторону и оперся о стену, и тотчас вслед за этим в нескольких саженях от них появились патрульные. Один принялся обшаривать труп парня, лежащий с подвернутой рукой, а второй сразу заметил ребят и направил на них магазинную винтовку с массивным деревянным прикладом — мечту всякого новобранца. Тут только Максим и опомнился, но бежать было уже поздно.

— Кто такие?

Подошел командир группы, щуплый капрал с неожиданно сильным голосом, хриплым от постоянного напряжения.

— Что, еще грабители? — заинтересовался он. — Эй, дай-ка сюда, — обратился он к солдату, грубо обыскивавшему жертву. Осколки былых украшений перекочевали в его подставленную ладонь. — Это подлежит сдаче в Приказ, чтобы пострадавшие могли забрать свое имущество. Или правила не знаешь?

— Так точно! Знаю! — вытянулся патрульный, по всему видно, новобранец. Он буквально лучился гордостью, исподтишка поглядывая на попавшихся ребят — мол, не доросли еще до армии. Максим не спускал завистливых глаз с его винтовки, пусть совсем не новой, с треснувшим прикладом, зато настоящей, а не по-детски деревянной.

Второй солдат в это время держал на прицеле обоих пленников, как-то по-особенному присматриваясь к Максиму.

— Где-то я уже видел эти штаны, — неуверенно проговорил он. — Господин капрал, не тот ли это пацан, что в нижней квартире шнырял, дверь открыл? Вон и рюкзачок похожий. Тот, правда, на Морскую выбежал... — Он подошел ближе и ткнул Максима стволом, заставляя повернуться спиной. Железо уперлось между лопаток, и Максим самым сердцем почувствовал, как сидящий в патроннике сгусток металла дрожит, словно мечтая вырваться на свободу и поразить доступную, покорную цель.

Стоит только дернуться к забору, так и произойдет.

— Я помогаю товарищу дойти до дома, — с силой проталкивая слова через пересохшее горло, сказал он. — Мы смотрели на войну в порту.

— А что с ним?

— Нogu подвернул, — прошептал Ефрем. Максим понял, что он отвечает механически, не веря в спасение. Кажется, ему уже давно было безразлично, погибнет он или нет, и только боль от раны еще заставляет его ощущать себя живым, а не подданным матери Смерти.

— А это что? — Капрал кивнул на кровь. — Краска?

— Порез... Я сам его завязал. Он неглубокий и не помещает мне жить. Я смогу прокормить себя.

— А ну пройдишь...

Ефрем оторвался от стены и сделал шаг, изо всех сил пытаясь делать вид, что это ему ничего не стоит. Он отодвинулся от опоры, шагнул снова и вдруг застонал. Раненая нога подогнулась, он упал на колени и закрыл глаза.

— Ну вот, а говоришь... Нехорошо спорить с законом, малыш. Метрику! — Он вывернул карманы жертвы, но в них ничего не оказалось. — Где документы? — прошипел гвардеец и взглянул на Максима.

Того тотчас обыскали, но нашли только его собственный документ — сложенный вчетверо, с пожелтевшим дагерротипом. Капрал долго вертел бумагу в руках, раздраженно сопя, затем записал имя и фамилию в планшете и вернул метрику хозяину, пробормотав что-то вроде: «Далеко от дома ушел, паря...». Солдат в это время проверил каждую складку в одежде Ефрема, но безуспешно.

— Я ее потерял, — бормотал тот. Упираясь руками в колени, он едва сохранял равновесие и почти не открывал глаз. Его лицо было очень бледным и мокрым от пота.

— Имя! — Ефрем назвал, и капрал записал его карандашом сразу в том же планшете. — Давай, действуй. — Старший кивнул бойцу, не спускавшему ребят с мушки. — Все равно упустил одного вора. Так хоть этого несчастного от мучений освободишь.

— Именем Его Величества, исполняя волю предков и букву уложений, — начал солдат, заметно волнуясь и прижав ствол к груди Ефрема. Максим отвернулся. Все пути к бегству были перекрыты, к тому же он почему-то верил, что одной жертвы патрулю будет достаточно. — Избавляя от бесплодных страданий человека и родных его от обузы, дабы дать жизнь новым поколениям сограждан, вверенной мне как патрульному Закона властью... Покойся в мире и не ропщи на живых.

Парень на секунду запнулся — видно, в первый раз совершал ритуал Освобождения — но тут же выстрелил. Уши у Максима на мгновение заложило, резко запахло пороховой гарью.

— Четче, солдат, четче, — строго заметил капрал. — Почему в конце сбился? Плохо выучил формулу? Чтобы сегодня же повторил, завтра утром спрошу.

— Слушаюсь, сударь. Просто я волновался.

— Сам ты сударь... Эх, молодежь! Показывай сумку, — приказал командир, грозно приступая к Максиму. — Тебе везет, — через некоторое время протянул он и жестом приказал подчиненным двигаться. — Иди домой, парень, или на пристань. Там все еще жарко. Глядишь, и поможешь своему народу. Хотя уже поздно, я думаю, выстрелов давно не слышать... А тут нечего шляться. И кровь с рук отмой, — внезапно усмехнулся он и потрепал парня по плечу. Тот окаменел.

— Смерть, где же я видел эти штаны? — оглянувшись на Максима, протянул один из солдат, тот, что исполнил приговор.

— Давай-давай, двигай, — бросил капрал.

Вскоре они скрылись за поворотом, их уверенные шаги затихли вдали, и Максим внезапно почувствовал, что ноги плохо держат его. Выдохнув, он уселся прямо на камни. Под руку подвернулось что-то теплое и мягкое, и он зачем-то приподнял это с мостовой. Рука бывшего приятеля, замазанная кровью, упала обратно, звякнув осколком стекла. На ее тыльной стороне, выступая сквозь все наносное, проглядывал длинный, узкий бугорок шрама. Он тянулся от запястья до мизинца, как знак прежней, детской жизни, и расплывался в странном тумане, натекашем на глаза Максима из его памяти.

-14

Сестрица Весна — любимая дочь Солнца — объявилась неожиданно, когда любая мамаша во дворе еще протяжно охала, сидя на скамеечке в окружении выводка детей, и предрекала

затяжные снегопады. И, согласно прогнозам астрологов или собственным, укутывала младшее дитя, свое или се-стринское, в третий слой одеяльца. С юга внезапно повеяло теплым. Неведомо откуда в голой тундре и зарослях низкорослых деревьев возникло это чудесное завихрение воздуха, и какими неведомыми силами принесло его к берегу Северного моря, было неясно.

Тем временем май благополучно подходил к своему концу, а с ним и уроки в школе.

День таяния снегов по всем признакам собирался быть снежным и вьюжным, но чудо все-таки случилось. Накануне первый ручей пробежал вдоль всего левого тротуара на Моховой, промывая пока еще робкую канавку, по которой в июне хлынет бурный, полный мусора поток весенних вод и поплывет флотилия маломерных детских корабликов-щепок. А ночью, конечно, ударил мороз, и с самого раннего утра ледяная горка превратилась в реку кричащих, кувыркающихся на льду малышей и ребят постарше. По середине дороги, натужно урча, карабкались вверх угловатые мобили, взметая в пасмурное небо клубы черного дыма. Прятаться в них было особенно забавно, вот только дышалось с трудом. Вниз же эти механические повозки съезжали намного быстрее.

Максим выскочил на Моховую вместе с Трофимом, Сонькой и Дуклидой. Торопясь присоединиться к веселью, они уже в дверях принялись толкаться, мешая друг другу зашнуровать ботинки. Недовольная ранним подъемом Дорофея, стоя в запахнутом мятом халате, пыталась повязать юркой Софии шарф и ворчала:

— Через час чтобы дома были, все ясно? Я блинов напеку.

— У-у! Опять блины! — заканючила Сонька.

— А ты что хочешь? — осадила ее сестра. Когда в прошлом году, упав с крыши дома во время расчистки кровли от снега, умерла мама, Дорофея по праву старшинства приняла на себя заботу о младших. И приходилось ее слушаться, а что было делать?

— Я пельменей хочу.

Дорофея ничего не ответила и сердито вытолкала детей за порог. Максим только мельком подумал, что София и так знает — между рамами нет ни кусочка мяса, так что могла бы и промолчать. Девчонка, что с нее возьмешь?

Они ссыпались с лестницы, чуть не растоптав соседку с первого этажа, которая выкатывала во двор коляску с молчаливым младенцем. Она только недавно родила и еще не совсем привыкла к своей новой, взрослой роли, а потому только вздохнула, проводив ребят завистливым и одновременно снисходительным взглядом. Правда, потом тут же склонилась к фанерной коробке на колесах и забормотала что-то невнятное, глупо улыбаясь.

А Моховая уже буквально кипела от «маленького народа», как, впрочем, и все остальные улицы Ориена. Что-то еще днем будет, когда пройти по последнему, серому снегу, притоптанному множеством подошв, выберутся горожане постарше!

— Плыви, пельменница! — крикнул Максим и толкнул Соньку на ледяную полосу, уже и без того полную ребят. Взвизгнув, девочка упала на какого-то парня в рваном треухе, и они с уханьем покатались вниз, к подножию улицы, где возле крутой лестницы, ведущей к пристани, образовалась внушительная гора лежалого снега.

Особой доблестью было скатиться к ней так, чтобы проскользнуть между повозкой и лошадю, если повозка была конной, или перед самым носом у механического тарантаса. Шоферы и возницы оглушительно ругались, крутили рули или натягивали вожжи, рвали тормозные рукоятки или охаживали крупы лошадей, а то и назойливых детей кнутом. Уже через четверть часа Максим не только потерял сестер и брата из виду, но успел вымокнуть и донельзя устать, да и проголодаться. Солнце поднималось все выше, и лед постепенно таял, холодной влагой проникая сквозь варежки и полы потертого тулупа.

Мальчик уж совсем было собрался идти домой, как ему встретился Ефрем.

— Привет! — вскричали они разом, наминая друг другу бока.

— Давай в упряжке, — предложил Ефрем.

— Ну, давай разок, да я пойду, а то блины остынут. Поздновато ты вышел.

Они втиснулись на ледяную горку и сдвоенным тараном ринулись вниз, толкая коленками встречных и отпихиваясь от тех, кто наседал сзади. Гвалт стоял порядочный, а тут и мобиль загудел клаксоном, вырывая по Морской на перекресток. В ответ заржал какой-то пугливый конь, взметнулась снежная грязь, залепляя глаза, чей-то мокрый валенок ударил Максима в лоб, и он кувырком въехал в гору на краю лестницы. Что-то ужасно твердое наподдало ему напоследок, и по спине явно прошлись стеклом.

— Ты чего дерешься? — завопил Максим, поправляя напольшую на глаза шапку.

— А вот еще не так дам! — Зло крикнул шофер мобилья и тронулся дальше. Когда корма повозки отъехала, мальчик увидел на льду Ефрема, лежавшего подозрительно неподвижно. Тут же в него ударились целая толпа детей. Максим кинулся к товарищу, зацепил его за рукав и потянул на себя.

— Уф, — пробормотал Ефрем, отплевываясь. — Как я ловко под ним проскочил.

— Чемпион, — буркнул Максим. — Целый хоть?

Он бросил взгляд на правый край лестницы, где молча стояло несколько гвардейцев, один с винтовкой и остальные с пиками. Они улыбались, но в то же время зорко следили за ребятней. Одному из мальчишек уже не повезло. Судя по всему, он угодил под лошадь и сломал ногу — та подвернулась и торчала под странным углом — а потому был тут же милосердно освобожден от страданий. Его тело лежало у парапета, немного в стороне от солдат, и ждало сожжения.

Командир гвардейцев не отводил пристального взгляда от мальчишек, поглаживая винтовку.

— Пойдем-ка отсюда, — прошептал Максим. Ребята быстрым и уверенным шагом поднялись к своему дому, и по

дороге Ефрем зализывал длинную, но неглубокую рану, протянувшуюся через всю обратную сторону его кисти.

А на другой день, двадцать второго мая, погибла Сонька. Максим никогда не забывал эту дату, потому что в самом нижнем ящике шкафа, куда он порой заглядывал, хранилась ее метрика. Она лежала в той же картонной коробке, что и тонкая пачка пожелтевших дагерротипов — их-то, собственно, Максим и рассматривал время от времени. На одном из них были запечатлены София, мама и сам Максим, когда ему только исполнилось шесть лет. Спустя всего лишь полгода ему уже нужно было идти в школу. У всех получились самые разные выражения лиц — видимо, особое настроение так стойко владело всеми тремя, что фотографу не составило труда ухватить его. Мама, сидевшая посередине на высоком стуле с ажурной спинкой и в длинном зеленом платье — на снимке оно вышло серым — хранила на красивом лице спокойную, ясную улыбку, слегка приправленную тревогой: а вдруг дети не выдержат неподвижности и дрогнут, смазав кадр. Хитрая, носатая физиономия Соньки светилась довольством и отчасти злорадством — она никак не могла допустить, чтобы Максим пошел к фотографу вдвоем с мамой, а ее оставили дома без посещения таинственной полутемной лаборатории, где усатый дядя в черном долго таится за камерой, чтобы наконец выпустить из объектива яркую, как Солнце, птичку. Максим же, напротив, был раздосадован присутствием сестры и особенно крепко стискивал локоть матери, улыбаясь несколько через силу. В тот момент ему казалось, что день рождения безнадежно испорчен. Но по выходу от фотографа на бурлящую от толпы Дворцовую, где их поджидал новый приятель мамы с бутылкой сахарной воды, праздничное настроение вернулось к Максиму после первого же глотка. А этот веселый и щедрый человек к тому же сказал: «Славные у тебя детишки, Мавра», и стало совсем хорошо.

Мама сорвалась с крыши спустя год, в конце апреля.

В тот майский день Сонька примчалась из школы, бросила котомку и тут же убежала на улицу, не слушая призывов

старшей сестры. Через два часа явился хмурый посыльный из муниципалитета и молча вручил Дорофее метрику с большим черным штампом «Мертв». Рядом канцелярским почерком, чернилами была написана дата смерти Софии. А вечером пришел Ефрем и рассказал, что он случайно оказался рядом с местом действия и видел, как бестолковая девчонка съехала вниз, ударилась головой без шапки о парапет лестницы и повредила шею. Встать она не смогла, и гвардейцы в минуту освободили ее от мучений.

— Жалко, что я не успел первым, а то бы метрику-то вытащил, — укорил себя Ефрем. — Эх, пропало дармовое топливо!

— Матушка Смерть с ней, — вздохнула тогда Дорофея. — Она была хорошей девочкой, хоть и своевольной.

Надо было уходить. Скоро вернутся жители ближайших домов, увидят трупы и станут судачить о воровстве, что зацвело в Ориене с началом военной кампании, словно тундра ранним летом. Потом по улицам проедут похоронные отряды, добрые жители покажут им свежих покойников, и служители матери Смерти свезут их к печам. А то и прямо тут же сожгут, если передвижной огонь, разводимый в чугунной бочке, с собой доставят. Кто знает, что взбредет всем этим людям в головы, если они увидят понурого, сидящего на мостовой гражданина.

— Извини, брат, — сказал Максим. — Я ведь не знал, что так получится. А то бы не стал тебя с пристани утаскивать. Это я виноват.

Он поднялся и бросил последний взгляд на спокойное, даже умиротворенное лицо друга, затем все же нагнулся и подобрал его пику. Носить оружие — потребность живых, мертвым оно ни к чему. «Но где же все-таки его метрика? — подумал он. — Не мог же он и в самом деле потерять ее!»

Максим обвел взглядом узкое пространство тупика, однако ничего, кроме нескольких обломков кирпичей и кучи битого стекла с распластанным на ней Ефремом, не заметил. К стене на покореженных скобах крепилась старая водосточная труба, и он нагнулся, заглядывая в ее жерло. Внутри, втиснутый в щель между листами жести, белел кусок плотной бумаги, и Максим осторожно, прислушиваясь к далеким шумам, извлек его. «Ефрем Рафаилов, рожденный 14 числа 7 месяца 515 года Династии Кукшиных от Препедигны Рафаиловой... Зарегистрирован в Книге населения г. Ориена по адресу: ул. Моховая, 3в, квартира 8...» Уголок дагерротипа, обновленного только месяц назад, в июле, уже успел обтрепаться. На снимке Ефрем едва заметно улыбался — ему почему-то нравилось, как вспыхивает магний. Максим сложил метрику и затолкал ее под штанину, так чтобы она не торчала из носка.

Выйдя из проулка, он встал на колено и быстро, то и дело оглядываясь, обыскал Лупу. Ему повезло — одна из сережек провалилась в дырку в его кармане и зацепилась дужкой, не успев выпасть. И патрульный второпях пропустил ее. Желтый, многогранный камешек тускло блеснул в обрамлении белого, с черными разводами металла.

Сунув находку в кармашек, вшитый в полу куртки, Максим зашагал вверх по улице Восстания. На первом же перекрестке он свернул направо, на Моховую улицу — его дом стоял в полусотне саженей ближе к морю. Здесь уже ему стал попадаться народ — люди возвращались с полей сражения, оживленные и какие-то закопченные. Многие женщины и ребята все еще потрясали разными самодельными штучками, показывая друг другу, как они поражали врагов. Между них сновали дети помладше, те, которых не пустили на пирс, зато позволили вволю покидаться камнями. Скорее всего, от брусчатки вдоль всей набережной ничего не осталось, и половина камней вообще валяется на дне возле берега.

— Эй, Макси, ты чего не с той стороны идешь? — окликнула его очень грязная девушка одного с ним возраста — они

столкнулись нос к носу при входе под свод арки, ведшей во двор их дома.

— А я другой дорогой, — пробормотал он. — Заглянул к приятелю по делу. Ты на каком фланге была, Ева? Я тебя не видел.

Ее зеленое, в мелкий грязно-белый цветочек маркизетовое платьице с оборочкой было порвано, и сквозь этот разрыв проглядывала круглая, с черным мазком коленка. Она заметила его взгляд и усмехнулась, но одергивать подол не стала. Только еще выше задрала и без того вздернутый носик, испачканный копотью. Подпаленная на кончике соломенная коса, подброшенная гибкой рукой, легла ей на плечо словно ручной уж. Помнится, в школе Максим нередко схватывался с Еванфией, и все по одному и тому же поводу. Девочка она была очень сообразительная, науки осваивала легко, не то что Максим, которому приходилось подолгу морщить лоб и пыхтеть, прежде чем ответить учителям. И в эти мучительные минуты его раздумий Еванфия, тряся поднятой рукой, нередко фыркала и шипела обидные слова «пенек» или «валенок». Правда, только в самом начале их совместной «жизни» за одной партой. Зато во время перерывов между уроками она держала насмешки при себе, да и повода к ним не было, иначе ей наверняка пришлось бы туго. За такую роскошную косу, как у нее, очень удобно дергать.

— Какие фланги, чудак? — прыснула она, смешно кривя пухлые губы. — Напротив складов и была высадка. Пойдем, что ли, а то проход загораживаем. Ты что, ранен? — нахмурилась она, обратив наконец внимание на бурые потеки, что украшали ладони Максима.

— Я? Так, царапина, — ответил он, шагая рядом с ней в полумраке арки. — А вот Ефрем погиб. Осколок...

— Жалко... — Она заметно огорчилась, однако быстро вернула себе бодрый дух. В Еванфии было так много энергии и какого-то светлого начала, что долго кручиниться она не умела. А может быть, ей было радостно оттого, что

с Максимом ничего плохого не произошло и повелительница Смерть на этот раз пощадила его. — Слушай, классная у тебя пика. Это кровь на ней, правда? — Она потрогала кусок заточенной арматуры и уважительно покосилась на товарища. — А мне пришлось какими-то камнями из мостовой кидаться. Да и то меня пацаны отогнали, не дали как следует... — Еванфия делилась впечатлениями с явной обидой в голосе. — Не очень-то и надо было! Я возле лестницы была, на парапете, а ты где? Вражеский десант видела! А ты? Я думала, они страшные будут, а вроде ничего парни, некоторые даже симпатичные, только мокрые все, как котятка.

— Разве? — хмуро пробормотал Максим. — Мне никто не понравился. Правильно про них на рынке говорят. Жестокие и грязные захватчики. К тому же мокрые.

Еванфия искоса взглянула на него, однако промолчала, чему-то улыбнувшись. Во дворе было непривычно тихо, только Мария, как всегда с невозможно прямой спиной и в длинном черном платье, сидела на лавочке рядом с развешанным бельем и мрачно созерцала песочницу с оторванной доской. Это была самая старая женщина в целом дворе, ей недавно стукнуло двадцать семь, и теперь у нее уже не осталось былых радостей — ровесников почти нет, а молодежь не захочет якшаться с такой древней подругой. Ее последний приятель попался на рынке полтора года назад, во время кражи жалкого мерзлого яблока, и был убит торговцем прямо на месте преступления, а детей у Марии не осталось. Все четверо погибли один нелепей другого, и последний — месяц назад, когда заплыл слишком далеко в море и утонул. Сейчас во дворе именно Мария, как самая старшая, принимала все роды.

Молодые мамы с разномастными колясками, обычно наполняющие двор и его окрестности, как видно, укатили со своими чадами поближе к берегу, чтобы не пропустить самое интересное.

Заметив двоих ребят, Мария оживилась и крикнула Максиму:

— Тебя сестра искала, хотела на пристань позвать!

— Я там и был, — отозвался он, кивнул Еванфии и поспешил проскользнуть мимо старухи в дверь своего парадного. Нашла когда сообщить новость! Ну да ладно, Марии простительно — поговорить ей не с кем, потому что девчонкам с ней скучно.

Квартира Максима находилась на третьем, предпоследнем этаже. Оно и к лучшему — не так заливает во время осенней непогоды, и почти не беспокоят толпы гуляющих людей, которые возвращаются с частых праздников в гавани. Ведь от Моховой до порта — всего квартал. Правда, «дорога» — точнее, довольно крутая лестница — тянется между складов Колониального общества, стены у них глухие и кабачков там совсем нет. То ли дело Дворцовая, уж там-то есть где развешаться веселому люду.

Максим тщательно смыл кровь с одежды и рук, не забыл и про кусок арматуры. Обтерев его полотенцем, он затолкал оружие в кладовку. В печном шкафу отыскалась корзина с остатками сухих кукурузных лепешек, а за ней кувшин с размазанной по стенкам простоквашей. Максим вздохнул и принялся отскабливать лепешкой стенки кувшина. Тут на лестнице застучали шаги, с улицы также донеслись громкие голоса, явно довольные — народ дружно повалил с войны.

— Ага, — нахмурилась Дуклида, статным силуэтом возникая в дверном проеме. Сильной рукой она сжимала обломок какой-то палки с растрепанным красно-бурым концом. — Питаешься, значит. Где ты был, позволь спросить, когда весь город сражался с дольменцами? — Не дожидаясь ответа, она сбросила с плеча котомку, брякнувшую тяжестью, и ушла в ванную. — И воду всю вылил?

Максим отправился следом за ней. Раздосадованная сестра стояла посреди чугунной лохани и размахивала пустым ковшом, указывая им на мятый чан, подвешенный к стене. В другой руке у нее была пропыленная майка, которую она успела стянуть с себя и небрежно прижимала к груди. На краю лохани лежал ее любимый кухонный нож, вымазанный

вражеской кровью. Максиму показалось, что ее живот уже не такой плоский, как раньше — похоже, возраст и однообразная пища дают себя знать.

— Не кипятись, — хмыкнул он. — Ну, вылил, что с того? Мне тоже надо было отмыться. Чего скрываешься? Титьки у тебя что надо.

Дуклида внезапно прекратила возмущенно шипеть и заметно смутилась, однако красоваться перед братом, конечно, не спешила. И он ее понимал, снисходительно скалясь и выливая в чан воду из последнего ведра — ей уже пятнадцать, самое время задуматься о ребенке.

— Хватит уже пялиться!.. — вдруг воскликнула она и схватила полотенце, замахнулась им и стукнула брата по макушке. Максим лишь рассмеялся и потянул за край ее майку, в результате заработав чувствительный тычок в ребра. — Иди-ка сумку распакуй, да за водой сходи. — Дуклида подтолкнула Максима к выходу. — Я сегодня бляху срезала.

— Ух, ты! — вскинулся Максим. Он бы не отказался послушать ее боевой рассказ, но лучше отложить беседу до вечернего чая.

Он подхватил оба ведра и выбежал из ванны. Бросив жестянки у входа, Максим поволок котомку сестры в кухню, цепляя ремешком за неровности дощатого пола, давно не крашеного и потрескавшегося. Внутри лежали две буханки довольно свежего хлеба, правда, слишком черного, с какими-то мелкими, запеченными в тесте щепками, два кружка слегка позеленевшего сыра, шесть картофелин, две луковицы и разные мелочи — бруски шершавого, крошащегося мыла, пара обернутых газетой леденцов... Максим вспомнил, как они с Софией, самые младшие в семье, постоянно ругались из-за конфет и старались отнять их друг у друга.

— А где спички? — крикнул он, запихивая за пазуху конфеты.

— Марш за водой, балбес! Я их в... Не твое дело! Спрячтала, короче. Да попробуй дров принести!

Двор к этому времени уже наполнился обитателями соседних домов, их радостным гомоном и криками. С пристани вернулись многие — видимо, обстрел из вражеских корабельных мортир был не слишком точен, а десант с крейсера немногочислен, иначе потери были бы куда существеннее. А вообще-то, много ли народу можно втиснуть в крейсер? Вот если бы они по суше напали на Ориен, тогда другое дело, полегли бы многие горожане. Да только от границы с Дольменом до Ориена не меньше пятисот миль, к тому же по дороге лежит столица Селавика, которую обороняют лучшие воины Королевства. Победить их каким-то жалким дольменцам вряд ли удастся.

Девчонки всюду заигрывали с бравыми парнями, но не торопились уединиться с ними в квартирах. Того и гляди командование Королевской гвардии отпустит солдат, капралов и офицеров в краткосрочный отпуск, отпраздновать разгром десанта. Многие ополченцы теперь наверняка воспрянули духом и рассчитывают остаться в ориенском гарнизоне, где их натаскивали по части воинской службы весь последний месяц. Нечаянный десант с вражеского крейсера — приличный повод для того, чтобы держать в Ориене батальон солдат.

Белье с веревок успели снять, и стала видна древняя колонка, у которой уже толпился народ. Вокруг снова ла малышня от года до десяти — ребята, которые следили за битвой издалека и сейчас жадно внимали бахвальству взрослых товарищей. Даже младенцы в колясках — и те высунули головы наружу, будто что-то понимали.

— Вышел-таки! — обрадовалась Еванфия, когда Максим пристроился за ней. Она успела переодеться, сменить рваное платье на новое, более нарядное, а на голову нахлобучила панаму с широкими полями. На ножках ее красовались белые туфли с модным квадратным носком.

— Эй, Макси, ты где пропал? — стали окликать его приятели.

— Я на дальнем фланге бился, — сообщил он. — Возле Дворцовой.

— Там же вроде не было высадки, — удивился настырный Пров.

— Если Макс говорит, значит, была, — вступилась за него Еванфия. Она на минутку прижалась к нему горячим плечом. — Я сама видела, как он весь в крови возвращался.

— А где, кстати, Ефрем? — озаботилась Фекла. Она считалась его подругой, и Максим не раз слышал, как она предлагала Ефрему жить вместе. — Ты разве не с ним уходил?

— Он погиб, — хмуро сказал Максим.

— Жаль, — помрачнела девушка.

Все на какое-то время огорчились, а затем вновь стали с увлечением, перебивая друг друга, рассказывать о собственном участии в битве, перечислять имена знакомых и незнакомых героев, также сложивших головы за Короля и отечество. Только Фекла вдруг всхлипнула и убежала из очереди, стуча ведром по коленкам. Никто особенно не удивился и не бросился утешать ее — в самом деле, такое случается с каждым, рано или поздно. Хорошо еще, что Фекла не успела забеременеть.

— Ну, теперь на неделю только и разговоров будет, что о сражении, — с неожиданным раздражением выступила Еванфия. — Тоже мне, гвардейцы без копейца.

— Сама ты без копейца, — обиделся Пров. — У меня почти настоящая пика, с зеленым бантом! — И ушел, подволакивая свое огромное ведро и расплескивая рваные язычки ледяной воды.

— Ой-ой-ой! — закричала Еванфия задиристо. — У сестры бантик-то отнял! Пика у него. Смотри, как бы в казарму не переехать! — Но Пров только отмахнулся, не желая вступать в перепалку. Наверное, его с нетерпением ждали домашние.

Еванфия пристроила ведро на крючок, а Максим приналег на ручку. Вода потекла хилой струйкой, однако уверенно. Поди не кончится, иначе это будет жутким невезением, уже Смерть знает каким за день. А тот еще только перевалил за середину.

— А я бы хотел жить в казарме, — сказал он. — Там кормят хорошо, дают настоящее оружие и учат им владеть.

Представляешь, гвардейцы скоро пойдут на границу с Дольменом! Целых пятьсот миль. Я бы не отказался по стране поездить, к тому же повоевать.

Еванфия, похоже, разозлилась от таких признаний товарища, потому что стиснула кулаки и открыла рот, чтобы накинуться на него с какими-то обвинениями. Но внезапно осеклась и отвернулась, уставившись на подрагивающую поверхность воды в своем ведре. Вообще она сегодня была какая-то нервная, бросалась на друзей со странными речами. Неужели ей не нравится, что славная королевская рать дала отпор захватчикам? «Проклятые дольменцы», — разобрал Максим ее тихие слова.

— Точно, — поддакнул он. Тут же ему показалось, будто Еванфия буркнула себе под нос «дурак набитый», точно как в школе, но он предпочел сделать вид, что ничего не слышал. — Чем скорее мы их разгромим, тем лучше... Жалко только, что я в этом совсем мало поучаствую. Ты не знаешь, где можно всяких ценных безделушек прикупить?

— Полно же магазинов! Я целых три знаю. Тебе зачем? — Подозрительно поинтересовалась она. Такой неожиданный поворот в разговоре явно озадачил подругу.

— Ну... Может, я подарок хочу сделать? Тебе-то что за дело? Я бы не спрашивал, просто давно нигде не был толком. Может, их все позакрывали...

— На Дворцовой есть, но там дорого. Потом на Проезжей, рядом с заставой, и еще один далеко, за верфью. Даже не помню, как там улица-то называется. Один только раз и была, еще до войны.

Тут со стороны арки послышались возбужденный гам и топот — как будто множество ног разом кинулось на Моховую. Еванфия ахнула, прижав ладошки к щекам, и хотела схватить ведро, чтобы тоже бежать, но Максим подтолкнул ее, коснувшись талии:

— Давай уж так, я присмотрю.

Еванфия вдруг мимолетно, как бы случайно, коснулась губами его щеки и бросилась вслед за всеми, ловко лавируя

между мамашами, которые подхватили орущих детишек и образовали настоящую давку, торопясь вырваться за пределы двора. На ходу они извлекали мятые метрики, высоко поднимая их над головами.

— Спокойствие! — гулко закричали с улицы. Загрохотали массивные деревянные колеса, обитые хилой каучуковой полосой, протарахтел чадный двигатель, и в проеме арки остановился зеленый тарантас с треснувшим снизу доверху кузовом, наполовину забитым торфом и дровами. В небо взлетели клубы черного дыма, мобиль чихнул и замолк, протачально дрогнув металлическими суставами.

Из кабины выпрыгнули трое гвардейцев, они моментально оттеснили толпу прикладами винтовок, а самый нервный пальнул для остратки в воздух. Образовалось подобие очереди, в которой визжали и брыкались детишки. Каждый норовил первым всучить свою метрику толстому королевскому интенданту в зеленой кепке. Утвердившись у кузова, тот пером отмечал в свитке гражданина или гражданку, а затем выдавал три полена. Претензии к качеству не принимались, к тому же за пустые пререкания с королевскими служащими патрульные имеют право застрелить болтуна.

Когда Максим смог поучаствовать в дележе топлива, вокруг мобilea оставалось всего несколько самых маленьких ребят. Они толкались и никак не могли решить, кто будет первым. Максим протиснулся между ними и протянул интенданту две метрики — свою и Ефремову.

— А где сам хозяин бумаги? — строго спросил интендант. Ближайший гвардеец оскалится и нацелил «магазинку» в грудь Максиму — хоть какое-то развлечение, если прикажут освободить преступника.

— У него живот заболел...

Толстяк сделал в ведомости какие-то пометки и молча выдал двойную порцию торфа. Максим поспешил скрыться под аркой, провожаемый заинтересованными взглядами оставшихся у драндулета детей. Он свалил добычу в углу кухни и крикнул Дуклиде, которая все еще плескалась в лохани:

— А там топливо дают!

Но сестра, похоже, не расслышала его и продолжала что-то вполголоса напевать. Максим спрятал Ефремову метрику за шкафом, распоров пальцами густую вязь паутины, и достал из кармана серьгу. При внимательном осмотре ему показалось, что камень, вправленный в нее, может оказаться очень ценным. Никаких царапин или выбоин на нем видно не было, ну да разве без увеличительного стекла разглядишь? Нужно идти к ювелиру, и чем скорее, тем лучше. Правда, документа на украшение нет, и ушлый ювелир может заявить, что это дешевая подделка...

— Ну, обедать будем, что ли? — добродушно поинтересовалась Дуклида. Она вошла в кухню свежей и мокрой, словно сказочная морская дева — каштановые волосы, повинуясь деревянной расческе, послушно легли на плечи, цветастый халат с дыркой на боку подвязан пояском. — Разобрал котомку? Возле складов раздача была, все равно много товара поврежденного. На одну бляху столько надавали, представляешь?

Последнее жалованье, выданное в Приказе, оказалось урезанным на треть. И теперь любые продукты, которые удавалось добыть благодаря участию в разных военных работах — сборе пожертвований, штопке обмундирования и прочих, — вызывали чуть ли не животную радость. Да и Максиму обещали накинуть талеров в связи с новым военным заказом Правительства.

— Макси, братец... — Дуклида присела на табурет и принялась потирать пальцы. Лицо у нее стало каким-то жалким, словно обиженным. — Ты Гермогена не встречал? — Максим окаменел, и она заторопилась: — Только не надо начинать снова, прошу тебя. Просто скажи, видел ты его сегодня после битвы или нет?

— Ну, видел, — нехотя сказал он. «Он меня убить хотел!» — вертелось у него на языке, но он промолчал, а Дуклида, к счастью, не стала выпытывать у него подробностей. Глаза ее прояснились, и она стала выкладывать на стол припасы.

Максим пожевал корку хлеба с луковкой, макая ее в соль, бросил: «Я погулять!» и отправился в путь. Можно было, конечно, потерпеть и до завтра, но тогда не избежать трепа с друзьями и побасенок об их славных подвигах на пристани. Пришлось бы и самому сочинять что-то подобное, поэтому он предпочел покинуть двор, а заодно посмотреть на место высадки вражеского десанта и поднабраться достоверных сведений о сражении.

— Максим! — окликнула его Еванфия. Она раскачивала на качелях свою младшую сестренку, скучала и явно искала повод, чтобы смыться от нее. — Ты куда?

— Мне по делу.

— Можно я с тобой пойду?

Он на секунду замер. Конечно, с ней интересно, не то что с другими девчонками, и она участвовала в битве... Но тогда Максим может нечаянно выдать ей, что на самом деле ходил грабить покинутый дом. И он отрицательно помотал головой, крикнув что-то вроде: «Я скоро вернусь!». Еванфия, конечно, надулась, но он уже не видел этого, спеша выскочить на улицу, пока к нему еще кто-нибудь не привязался. Объясняй потом, почему не хочешь никого в попутчики.

Свернув налево, он зашагал под уклон в сторону залива, пытаясь рассмотреть через крышу склада Королевской Колониальной компании, коротко называвшейся как Три «К», что происходит в порту и его окрестностях. Но над водой стлался вязкий серый дым, и ничего не было видно. Чем ближе он подходил к морю, тем явственнее чувствовался запах гари. Очевидно, там что-то продолжало тлеть. По дороге то и дело попадались озабоченные всадники в форме королевских цветов и просто гуляющие люди, и большинство азартно вспоминало эпизоды схватки в порту. Вскоре мостовая резко пошла под уклон — в этом месте Моховая переходила в лестницу. Перепрыгивая через выщербленные древние ступени, Максим быстро достиг берега и вывернул из-за угла склада.